

Соответствует ли действительности фиксируемый уровень популярности Путина?

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 403
Ноябрь 2015

Тимоти Фрай¹
Колумбийский университет

Скотт Гельбах²
Висконсинский университет в Мадисоне

Кайл Марквардт³
Гётеборгский университет

Ора Джон Рейтер⁴
Висконсинский университет в Милуоки

Владимиру Путину удалось достичь и сохранять поразительно высокий уровень поддержки во время своего пребывания на постах президента и премьер-министра России. Кремлевские пиарщики помогают тщательно регулировать общественный имидж Путина посредством массированной пропаганды в государственных СМИ, время от времени сопровождающейся фотографиями, на которых он запечатлен без рубашки или пиар-трюками, подчеркивающими его маскулинность. Все это усиливается мощной кампанией в сфере общественного мнения, включающей масштабные периодические опросы общественного мнения. Вне зависимости от степени эффективности этих методов, мало кто сомневается в том, что Кремль очень серьезно относится к уровню общественной поддержки нынешнего президента. В самом деле, российские наблюдатели с готовностью указывают на высокие рейтинги одобрения Путина (зачастую [противопоставляя](#) их рейтингам других лидеров) в качестве источника легитимности. Как и в [других автократиях](#), народная поддержка правителя считается определяющим фактором сохранения и эффективности функционирования режима.

Однако, сохраняется подозрение, что рейтинги одобрения Путина могут быть дутыми, поскольку респонденты не говорят правды интервьюерам. Хотя репрессии [обычно](#) не являются приоритетным инструментом современных диктаторских режимов, все же сохраняется возможность того, что выражающие неодобрение правителю будут подвергнуты наказаниям. Даже небольшая вероятность подобных наказаний может

¹ [Тимоти Фрай](#) профессор, преподаватель курсов по постсоветской внешней политике, стипендиат программы им. Маршалла Д.Шульмана Колумбийского университета.

² [Скотт Гельбах](#) – профессор политологии и стипендиат программы поддержки преподавателей им.Ромнеса Висконсинского университета в Мадисоне.

³ [Кайл Марквардт](#) научный сотрудник с ученой степенью в Институте многообразия демократии (V-Dem) Гётеборгского университета.

⁴ [Ора Джон Рейтер](#) - доцент, преподаватель политологии и старший научный сотрудник Висконсинского университета в Милуоки.

оказаться достаточной, чтобы побудить участников опроса отказаться от искреннего выражения своего отношения к правителю. С другой стороны, (и эти опции не являются взаимоисключающими) респонденты могут давать интервьюерам ложные ответы для соответствия тому, что они воспринимают в качестве социальной нормы: в данном случае – норме поддержки Путина.

Определение масштаба искажений в опросах является вызовом не только для изучающих общественное мнение исследователей, пользующихся данными таких опросов для интерпретации [моделей поддержки режима](#), но [также и для самих автократов](#), которым обычно не хватает инструментов (таких как свободные и честные выборы или независимые СМИ), с помощью которых можно измерять уровень своей «настоящей» поддержки в обществе. Действительно, хотя зацикленными на опросах часто изображаются политики западных демократий, в некоторых отношениях, надежность результатов подобных опросов является наиболее важной именно для недемократических режимов.

Дизайн исследования

Чтобы определить степень правдивости утверждений участников опросов о своей поддержке Путина, мы договорились с Левада-центром включить ряд вопросов в январский и мартовский раунды опросов по общероссийской репрезентативной выборке в 2015 году (*Вестник*). Оба раунда включали стандартный вопрос для измерения уровня поддержки Владимира Путина: «*Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина?*»

Та проблема, которую мы стремимся решить в рамках предложенного дизайна исследования, состоит в том, что респонденты могут давать неточный ответ относительно уровня своей поддержки политического лидера в тех случаях, когда их спрашивают об этом напрямую. Чтобы измерить степень, в которой респонденты действительно поддерживают Путина, мы задействовали широко используемую методику подсчета ответов (ИСТ), часто называемую методом списочного эксперимента. Суть метода списочного эксперимента состоит в том, чтобы дать респондентам возможность честно выразить свое мнение или отношение по чувствительной теме, без выражения напрямую такой позиции, которую опрашивающий или другие могут посчитать неприемлемой. Ранее публиковались работы, задействовавшие метод списочного эксперимента для изучения целого ряда чувствительных тем, таких как [подкуп избирателей в Ливане](#) и [голосование за Путина на президентских выборах 2012 года](#).

Метод списочного эксперимента реализуется посредством предоставления опрашиваемым списка высказываний, причем респондентам предлагается не выбрать подходящие суждения, а подсчитать их количество. Так, [в классическом примере](#) респондентов спрашивают о том, сколько событий из списка рассердило или расстроило бы их («федеральное правительство поднимает налог на бензин», «профессиональные спортсмены заключают контракты на миллионы долларов», «крупные корпорации загрязняют окружающую среду»). Выбранные случайным образом респонденты экспериментальной группы получают более длинный список (включающий высказывание,

потенциально являющееся раздражителем), нежели респонденты в контрольной группе. Если продолжить пример, представим себе, что респонденты в экспериментальной, но не в контрольной группе, видят список, включающий высказывание «чернокожая семья заселяется в соседнюю квартиру». Респонденты в экспериментальной группе, таким образом, получают возможность отметить, что испытали бы гнев в случае заселения чернокожей семьи заселялась в соседнюю квартиру, в то же время сохраняя неопределенность относительно своего выбора того или иного рассердившего их высказывания из списка: они лишь включают его в число вызвавших недовольство событий.

Интерпретация результатов списочного эксперимента проста. Различия средних значений в экспериментальной и контрольной группах, соответственно, обуславливают оценку процента встречаемости высказывания-раздражителя. В примере, приведенном выше, среднее число тех высказываний, которые вызывают гнев респондентов, случайно выбранных в экспериментальную группу и живущих на юге США, составило 2,37 против 1,95 в контрольной группе. Это подразумевает, что 42% респондентов, проживающих на американском Юге, возмутились бы, если бы афроамериканская семья поселилась по соседству.

В нашем случае потенциальным раздражителем является отсутствие поддержки Путина. Чтобы оценить степень чувствительности к этому раздражителю, мы реализовали списочный эксперимент в двух версиях. В первой версии, которая оценивает поддержку Путина в сравнении с предшествующими лидерами России или Советского Союза, задание выглядит следующим образом:

Посмотрите на данный список политиков. Деятельность скольких из них вы одобряете в целом?

- *Иосиф Сталин*
- *Леонид Брежнев*
- *Борис Ельцин*
- *[Владимир Путин]*

Члены контрольной группы получают список без Путина, в то время как члены экспериментальной группы получают список, включающий Путина. Респонденты изучают список и вручную обводят цифры от 0 до 4 на карточке. Формулировка «одобряете их деятельность» отражает обсуждавшийся выше прямой вопрос.

Во второй версии списочного эксперимента Путин помещен в список, состоящий из различных современных политических деятелей:

Посмотрите на этот список политиков. Деятельность скольких из них вы одобряете в целом?

- *Владимир Жириновский*
- *Геннадий Зюганов*
- *Сергей Миронов*
- *[Владимир Путин]*

Хотя базовая модель исследования проста, имеется ряд дополнительных соображений, которые мы проанализируем ниже.

Выводы

Основные результаты

Респонденты *Вестника* Левада-центра на протяжении ряда лет демонстрировали высокий уровень поддержки Владимира Путина. Январская и мартовская волны опросов 2015 года не явились исключением: в ответ на прямой вопрос 86% респондентов в январе и 88% респондентов в марте заявили, что они поддерживают деятельность Владимира Путина.

Наши списочные эксперименты также указывают на высокий уровень поддержки Путина. Оценки на основании четырех этих экспериментов (исторического/современного, январского/мартовского), фактически, оказались довольно сходными, варьируясь от 79% поддержки в обоих раундах исторического эксперимента до 81% поддержки в январском эксперименте о современных политиках. Если доверять этим оценкам, то они означают наличие небольшого, но важного искажения, которое дает в контексте обоих опросов социальная желательность. В зависимости от опросной волны и формулировок эксперимента, оценки поддержки Путина в ходе списочного эксперимента от 5% до 9% ниже чем в случаях, когда задавался соответствующий прямой вопрос с высокой вероятностью того, что истинное значение рассматриваемой величины больше нуля. Тем не менее, имеются причины подозревать, что зафиксированные нашими списочными экспериментами уровни поддержки являются либо недооцененными, либо переоцененными. Рассмотрим каждую из этих версий по очереди.

Эффекты дна

Списочные эксперименты могут оказаться неспособными гарантировать конфиденциальность в тех случаях, если ни одно из высказываний в списке не подходит респондентам в экспериментальной группе или же опрашиваемым импонируют все высказывания: такие ситуации называют эффектами дна и потолка соответственно. Так, члена экспериментальной группы из вышеупомянутого примера, указавшую, что ее раздражают все четыре высказывания, можно идентифицировать как возмущенную переездом чернокожей семьи в жилье по соседству. В нашем случае отсутствие поддержки Путина потенциально чувствительно, и озабоченность вызывают в первую очередь эффекты дна: те респонденты из экспериментальной группы, которые не поддерживают никого из деятелей в списке, тем самым имплицитно дают понять, что они не поддерживают Путина.

Обычный совет касательно минимизации эффектов дна и потолка состоит в том, что надо включать в контрольный список такие высказывания, встречаемость которых имеет негативную корреляцию; тем самым добиваясь того, что сумма в типичном случае будет между нулем и числом всех высказываний в списке. К сожалению, наш анализ реакций на представленные выше прямые вопросы дает основание предположить, что в случае с российскими респондентами общественное одобрение практически любой пары

политических деятелей коррелирует позитивно. Еще более осложняет проблему то, что многие россияне похоже не поддерживают ни одного политика, делая возможное исключение лишь в отношении Владимира Путина, поддержка которого как раз и является исследуемой в данной работе проблемой.

Не имея структурного решения этой проблемы, рассмотрим те потенциальные последствия, которые будут иметь в нашем случае эффекты дна. В январском опросе 33% респондентов указали, что поддерживают только одну из четырех исторических личностей из списка экспериментальной группы, а 37% опрошенных отметили, что поддерживают лишь одного современного политика из списка экспериментальной группы. Если бы нам пришлось сделать весьма консервативное допущение о том, что все подобные респонденты на самом деле не поддерживают никого из политических деятелей в списке, но при этом боятся показать, что не поддерживают Путина и поэтому заявляют, что кого-то поддерживают, - тогда оценка поддержки Путина снизится до 47% и 44% соответственно. Сходные результаты получаются и применительно к мартовскому эксперименту.

Эта резкая нижняя граница поддержки Путина дает основания предполагать, что в экспериментальной группе нет людей, которые поддерживают лишь Путина и больше никого из других современных или исторических деятелей из нашего списка. Вместе с тем, нет и таких людей, которые поддерживают какого-либо деятеля из списка контрольной группы, но при том не поддерживают Путина. Хотя мы не можем напрямую проверить эти предположения, никакое из них не выглядит правдоподобным. В степени, до которой они не верны, поддержка Путина выше чем рассчитанные нижние границы.

Искусственное занижение

Потенциально работает против эффектов дна возможность искусственного занижения, при котором «оценки отклоняются из-за разницы в длине списков высказываний, предоставляемых участникам контрольной и экспериментальной групп, а не из-за содержания высказываний в списке экспериментальной группы». В нашем исследовании искусственное занижение могло иметь место в том случае, если Путин являет собой яркий контраст, сокращающий привлекательность других личностей в списке: к примеру, респонденты демонстрируют неполную меру поддержки Сергея Миронова, когда он находится в списке наряду с Владимиром Жириновским, Геннадием Зюгановым и Владимиром Путиным (условия экспериментальной группы), но не в той ситуации когда он находится в списке лишь наряду с первыми двумя деятелями (условия контрольной группы). Подобный эффект мог бы уменьшить наш оценочный показатель поддержки Путина в списочном эксперименте и тем самым увеличить нашу оценку отклонения из-за социальной желательности выбора.

Чтобы выявить возможное отклонение, являющееся результатом искусственного занижения, мы включили в мартовский опрос два эксперимента «плацебо». В каждом случае суть состояла в том, чтобы рассмотреть случаи искусственного занижения посредством включения «потенциально чувствительного» высказывания, которое на самом деле не является чувствительным; таким образом изолируя протекающее от эффекта отклонения социальной желательности занижение и делая возможным сопоставление с

прямыми вопросами по тем же самым высказываниям. В первом эксперименте «плацебо» мы сохранили акцент на политических деятелях, но использовали список зарубежных деятелей:

Посмотрите на этот список политиков. Деятельность скольких из них вы одобряете в целом?

- *Александр Лукашенко*
- *Ангела Меркель*
- *Нельсон Мандела*
- *[Фидель Кастро]*

Мы предполагаем, что в том случае, когда их спросят об этом прямо, респонденты захотят продемонстрировать свою поддержку Фиделю Кастро как «потенциально чувствительному» пункту в списочном эксперименте: этот деятель хорошо известен в России, но мало связан с нынешними политическими дискуссиями. Во втором эксперименте «плацебо» мы представили список тех характеристик респондента, которые мы могли верифицировать напрямую по ответам на стандартный набор демографических вопросов:

Посмотрите на этот список характеристик и укажите сколько из них относятся к вам:

- *Мужчина*
- *Женщина*
- *В браке*
- *[Старше 55]*

Рассматривая результаты каждого из экспериментов «плацебо» по очереди, мы обнаружили, что разница оценок поддержки Кастро между прямым вопросом (60%) и списочным экспериментом (51%) почти идентична оценкам поддержки Путина, несмотря на то, что отклонение социальной желательности вряд ли увеличивало поддержку Кастро в тех случаях, когда респондентам задавали прямой вопрос. Напротив, мы не обнаружили свидетельств занижения в эксперименте со случаем «старше 55»: как при прямом вопросе, так и в списочном эксперименте порядка 28% респондентов согласно подсчетам старше 55 лет. Эти результаты указывают, что в результатах списочных экспериментов для измерения поддержки политических деятелей возможно имеются свои особенности.

Конечные результаты

Один из предлагаемых способов компенсировать эффекты дна и искусственное занижение заключается в добавлении оценочного значения искусственного занижения из эксперимента Кастро (9%, при условии, что никакая часть разницы в результатах между прямым вопросом и списочным экспериментом не является следствием отклонения социальной желательности) к нижней границе оценки поддержки Путина при максимальном эффекте дна (примерно 45%). Эти расчеты означают поддержку Путина на уровне близком к 55%. В данном случае вопрос заключается в том, какая часть говорит правду из тех 33-37% респондентов экспериментальной группы, заявляющих, что они поддерживают только одного политического деятеля. Хотя этот вопрос делает

необходимым дальнейший анализ, кажется неправдоподобным что большинство этих респондентов на самом деле никого не поддерживает, но дает ложные ответы для того, чтобы скрыть свое недовольство Путиным. Таким образом, мы не можем исключить той возможности, что Путин настолько популярен, насколько это вытекает из ответов на прямые вопросы.

Заключение

Расчетные данные наших списочных экспериментов указывают, что поддержка Путина составляет порядка 80%, что находится в диапазоне 10% от того результата, который подразумевается ответами на прямые вопросы. Разного рода соображения позволяют предполагать, что эта цифра может быть переоцененной или недооцененной; но в любом случае тот типичный уровень поддержки Путина, который выявляется в ходе опросов общественного мнения, в основном оказался реальностью. Мнения респондентов могут конечно формироваться прокремлевской тенденциозностью СМИ и другими усилиями по стимулированию поддержки президента, но итоги нашего исследования показывают, что российские граждане в целом готовы раскрывать свои подлинные предпочтения перед интервьюерами в тех случаях, когда их об этом просят.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org